ISSN 1122 - 1917

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE E LETTERATURE STRANIERE
UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

2

ANNO XXVIII 2020

EDUCATT - UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

L'ANALISI
LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE
E LETTERATURE STRANIERE

UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

2

ANNO XXVIII 2020

PUBBLICAZIONE QUADRIMESTRALE

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA
Facoltà di Scienze Linguistiche e Letterature straniere
Università Cattolica del Sacro Cuore
Anno XXVIII - 2/2020
ISSN 1122-1917
ISBN 978-88-9335-697-8

Comitato Editoriale
Giovanni Gobber, Direttore
Maria Luisa Maggioni, Direttore
Lucia Mor, Direttore
Marisa Verna, Direttore
Sarah Bigi
Elisa Bolchi
Giulia Grata
Chiara Piccinini
Maria Paola Tenchini

Esperti internazionali
Thomas Austenfeld, Université de Fribourg
Michael D. Aeschliman, Boston University, MA, USA
Elena Agazzi, Università degli Studi di Bergamo
Stefano Arduini, Università degli Studi di Urbino
György Domokos, Pázmány Péter Katolikus Egyetem
Hans Drumbl, Libera Università di Bolzano
Jacques Dürrenmatt, Sorbonne Université
Françoise Gaillard, Université de Paris VII
Artur Gałkowski, Uniwersytet Łódzki
Loretta Innocenti, Università Ca' Foscari di Venezia
Vincenzo Orioles, Università degli Studi di Udine
Gilles Philippe. Université de Lausanne
Peter Platt, Barnard College, Columbia University, NY, USA
Andrea Rocci, Università della Svizzera italiana
Eddo Rigotti, Università degli Svizzera italiana
Nikola Rossbach, Universität Kassel
Michael Rossington, Newcastle University, UK
Giuseppe Sertoli, Università degli Studi di Genova
William Sharpe, Barnard College, Columbia University, NY, USA
Thomas Travisano, Hartwick College, NY, USA
Anna Torti, Università degli Studi di Perugia
Gisèle Vanhese, Università della Calabria

I contributi di questa pubblicazione sono stati sottoposti alla valutazione di due Peer Reviewers *in forma rigorosamente anonima*

© 2020 EDUCatt - Ente per il Diritto allo Studio universitario dell'Università Cattolica
Largo Gemelli 1, 20123 Milano | tel. 02.7234.2235 | fax 02.80.53.215
e-mail: editoriale.dsu@educatt.it (*produzione*); librario.dsu@educatt.it (*distribuzione*)
web: www.educatt.it/libri

Redazione della Rivista: redazione.all@unicatt.it | *web*: www.analisilinguisticaeletteraria.eu

Questo volume è stato stampato nel mese di luglio 2020
presso la Litografia Solari - Peschiera Borromeo (Milano)

Indice

Le strutture matematiche del linguaggio nella teoria di Zellig Sabbettai Harris
Alberto Maria Langella 7

Die Präadverbien 'ab', 'seit', 'von'
Patrizio Malloggi 23

Regali omofonici nel Cinese Moderno Standard (CMS)
Nazarena Fazzari 37

Formal theory-driven, psycholinguistic data and corpus-driven study confirms the absence of a basic colour term for ORANGE in Modern Standard Mandarin and elaborates the syntaxico-semantic 'distributional potential' criterion for basicness
Victoria Bogushevskaya 61

Лексикология и переводоведение: лексика интеллектуальных качеств человека в *Вояжировом лексиконе* С. С. Волчкова (1755? – 1764)
Riva Evstifeeva 73

Acquisizione del russo L2 per motivi umanitari
Jacopo Saturno e Manuela Pavone 85

Students' Perceptions and Attitudes on the Use of Literature as a Tool for Learning English as a Foreign Language
Diego Sirico 115

La Rivoluzione Finanziaria a teatro: la rappresentazione del credito (e il credito come rappresentazione) in alcune commedie inglesi fra Sei e Settecento
Renato Rizzoli 145

Clothes Maketh the Gentleman: performance identitaria e vestimentaria in *Great Expectations*
Federica Perazzini 177

Il *cut-up* di William S. Burroughs come trasformazione bioniana
Riccardo Gramantieri 195

Le pronom personnel sujet au 15e siècle : domaines littéraire et juridique
Daniela Puolato 213

Indice degli Autori 235

Il Comitato Editoriale ricorda con affetto
la collega Nazarena Fazzari,
mancata durante la lavorazione
di questo fascicolo.

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA XXVIII (2020) 73-84

Лексикология и переводоведение: лексика интеллектуальных качеств человека в *Вояжировом лексиконе* С. С. Волчкова (1755? – 1764)

Riva Evstifeeva
Sorbonne Université, France

В статье анализируются переводческие стратегии С. Волчкова в работе над *Вояжировым лексиконом*. Сергей Волчков, один из наиболее плодовитых переводчиков XVIII в., связанный с Академией Наук, добавил русскоязычные толкования к французско-немецко-латинской части *Nouveau Dictionnaire du Voyageur*. Наибольшее внимание уделено лексике интеллектуальных качеств – с тем, чтобы сравнить примененные переводчиком подходы в ВЛ и в его наиболее известном переводческом труде, *Придворном человеке* (русскоязычной версии трактата Б. Грасиана *Oráculo manual*).

The article offers a contribution to the knowledge of S. Volchkov's translation methods. Sergej Volchkov was one of the most prolific translators of the XVIII century related to the Academy of Sciences. In his *Vojazhirov leksikon* he added Russian definitions to the French-German-Latin part of the *Nouveau Dictionnaire du Voyageur*. In this article we provide a brief characteristic of Volchkov's approach in his work on the dictionary and then analyse a selection of lemmas. The selection includes the terms that describe the intellectual qualities of a man, so to compare VL to Volchkov's most renown translation, *Pridvornoj chelovek* (from Gracián's *Oráculo manual*).

Keywords: translation studies, Volchkov, XVIIIth cent.

Попытки определить значение той или иной лексемы в русскоязычных текстах XVIII в. или в узусе отдельных авторов нередко сталкиваются с недостаточностью справочной базы. Словарь русского языка XVIII в., ключевой инструмент при решении подобных задач, еще далек от завершения[1], а соответствующий подкорпус в составе Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) – пока еще весьма неполон. Выборки, получаемые при работе с корпусом, нуждаются, в любом случае, в интерпретации; впрочем, требует ее и консультация уже существующих словарных статей, формат которых предполагает лишь самое общее указание на возможные семы и определенные материальные ограничения на количество приводимых примеров. Отчасти эти методологические проблемы пытаются решить исследования об-

[1] Последний на сегодняшний день выпуск заканчивается на лексеме 'Потрактовать' (*Словарь русского языка XVIII в. Выпуск 22. Помощь – потрактовать*, Наука, Санкт-Петербург 2019).

щей динамики лексического развития, сопровождающие создание Словаря, – в том числе применительно к отдельным группам лексем[2]. Кроме того, все большей популярностью пользуется изучение семантической эволюции концептов – прежде всего, значимых для общественно-политической жизни[3].

Все чаще для анализа семантической структуры и эволюции отдельных лексем исследователи обращаются к переводным текстам: сопоставление их с оригиналами[4] оказывается весьма действенным инструментом для решения этой задачи. В работе с такими текстами, однако, необходимо учитывать индивидуальные стратегии отдельных переводчиков и их, так сказать, лексические привычки и персональные инновации, роль которых нельзя недооценивать, когда речь идет об эпохе, известной как "период сложения русского национального языка нового типа" (см. работы Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, В. М. Живова и др.[5])

Предлагаемая статья вырастает из задачи, возникшей перед нами в ходе изучения переводческой продукции С.С. Волчкова, – определить и описать его персональный переводческий узус, как кажется, довольно своеобразный.

Сергей Саввич Волчков (1707-1773?) – самый плодовитый русский переводчик XVIII в. Дипломатический работник, а затем переводчик при Академии Наук, работавший с немецким и французским языками, Волчков познакомил русского читателя с более чем двадцатью педагогическими, историческими и морально-философскими сочинениями европейских авторов XVII-XVIII в. Наиболее полный на настоящий момент список его переводческих трудов и соответствующих оригиналов, а также реконструкцию общего течения его жизни и карьеры преимущественно по опубликованным источникам, можно найти в тексте нашего диссертационного исследования[6], но следует надеяться, что этот список будет уточняться и расширяться силами

---

[2] В отношении интересующей нас лексики интеллектуального поля укажем прежде всего близкую по тематике работу В.М. Круглова (В. Круглов, *Имена чувств в русском языке XVIII века*, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург 1998), а также отдельные замечания в работах Л.Л. Кутиной и Е.Э. Биржаковой.

[3] Здесь можно указать на две важнейших коллективных публикации 2012 г.: *Эволюция понятий в свете истории русской культуры*, сост. В.М. Живов – Ю.В. Кагарлицкий, Языки славянских культур, Москва 2012; *Понятия о России: К исторической семантике имперского периода*, сост. ред. А. Шиллер – И. Ширле, Новое литературное обозрение, Москва 2012. Кроме того, некоторое количество публикаций сопроводило завершившийся в 2018 г. проект С. Польского и В. Ржеуцкого (ВШЭ – Германский исторический институт в Москве) *Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII в.*; в том же 2018 г. вышел составленный Т. Атнашевым и М. Велижевым сборник *Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории* (*Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории*, сост. Т. Атнашев – М. Велижев, Новое литературное обозрение, Москва 2018). Показательно здесь сотрудничество филологов, историков и политологов.

[4] Сравнение это, впрочем, должно проводиться с определенной осторожностью: для печатной и письменной продукции XVIII в. вопрос о том, с какого оригинала выполнялся перевод, не всегда прост и однозначен.

[5] См., например Г. О. Винокур, *Избранные работы по русскому языку*, Учпедгиз, Москва 1959; В. В. Виноградов, *История слов*, Толк, Москва 1994; В. М. Живов, *Язык и культура в России XVIII века*, Школа "Языки русской культуры", Москва 1996.

[6] R. Evstifeeva, *Lessico relativo alle qualità intellettuali in* Pridvornoj Čelovek (1741), *la prima traduzione russa dell'*Oráculo manual *di B. Gracián*, Tesi di dottorato. Università di Roma "Tor Vergata", Roma 2018.

исследователей литературной, политической и языковой культуры XVIII в., среди которых личность и деятельность С.С. Волчкова в последние годы пользуется определенным вниманием.

Тематика выполняемых им переводов была зачастую новой для русской словесности, а потому для нахождения лексических соответствий между языком оригинала и складывающимся русским литературным языком нового типа он не всегда мог опереться на сложившуюся традицию. Прежде всего это касается концептуальных сфер, в которых европейское культурное влияние было особенно сильным. Как показало наше изучение языка *Придворного человека* (1741)[7], при нахождении русских соответствий для передачи французской лексики интеллектуальных качеств и поведенческих стратегий (prudence, esprit, galanterie, etc.), Волчков испытывал значительные трудности.

Выпущенный двумя томами, – первый, по-видимому, в 1755 г., а второй в 1764 г., – *Вояжиров лексикон* (далее – ВЛ) призван был отчасти способствовать разрешению этой проблемы, закрепляя за французскими лексемами определенные варианты перевода. В данной статье мы обратим внимание прежде всего на лексику, изученную нами при анализе *Придворного человека* (далее – ПЧ), сравнивая показания двух текстов в подходе к одним и тем же французским лексемам.

Первый том *Лексикона*, под заглавием *Новой лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова. Часть первая, с литеры A по литеру G* вышел в Санкт-Петербурге, в типографии Академии Наук, как и прочие труды Волчкова на тот момент. Книга вышла без указания даты; работу над ней переводчик начал, судя по всему, в 1747 г. – во всяком случае, в августе 1748 г. готова уже треть словаря[8], а в июне 1749 г. Волчков пересылает готовую часть работы в Академию[9]. В 1750 г. первая часть сдана в типографию, но вышла она, судя по бумагам Академии, только в 1755 г. (Архив Академии Наук, ф. 3, оп. 1, № 201, л. 86). Вторую часть Волчков сдает в 1759 г., но коллеги по Академии просят его пересмотреть и улучшить текст. В итоге второй том выходит в 1764 г., под заглавием *Новаго вояжирова лексикона на французском, немецком, латинском, и российском языках, часть вторая, с литеры G до конца алфавита* – сокращенная версия которого, *Вояжиров лексикон*, станет в библиографической и академической традиции обозначением всего труда. “Ошибки Волчкова были выправлены академическими переводчиками”, однако, при всем несовершенстве текста, “[п]отребность во французско-русском словаре была настолько велика, что лексикон выдержал затем еще два издания”[10].

---

[7] Текст представляет собой перевод трактата *Oráculo manual y arte de prudencia* (1647) испанского иезуита Бальтасара Грасиана, выполненный через посредство французской версии L’homme de cour (1684) французского дипломата и эрудита Николя Амело де ла Уссей.

[8] М. Сухомлинов, *Материалы для истории Императорской Академии наук*, Типография Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург 1885-1990, т. IX, с. 354.

[9] *Ibid*., с. 700.

[10] Н.М. Раскин и др. *Примечания*, в М. Ломоносов, *Полное собрание сочинений*, Изд-во Академии Наук СССР, Москва-Ленинград 1950-1983, т. 9, стр. 821.

Оригиналом, с которого Волчков переводил свой словарь, был *Nouveau Dictionnaire du Voyageur, François-Aleman-Latin et Aleman-François-Latin, enrichi de tous les mots & de toutes les belles expressions françoises & alemandes nouvellement introduites pour l'usage de ceux qui désirent d'apprendre ces langues11* (первое издание – Genève: Léonard Chouet et Compagnie, 1683). Книга была перевыпущена множество раз[12]; нам удалось просмотреть женевские издания 1708 и 1732 гг., а также издания 1744 Франкфурт, 1746 Базель; волчковский словник ближе всего – хотя и не полностью, – соответствует первому из них[13]. Задача словаря была прежде всего учебной: как поясняет в предисловии анонимный составитель, обычно иностранные языки осваиваются именно в путешествиях[14]. Выбор языков обусловлен их наибольшей универсальностью: французский взят как наиболее распространенный повсеместно, немецкий как ключевой для северно-европейских территорий, языки которых, как считает составитель в соответствии с представлениями своего времени, из немецкого происходят; наконец, латынь как универсальный язык интеллектуальной элиты:

> Comme la Nation Françoise a penetré ou par les Armes, ou par le Negoce, ou par la simple Curiosité, jusques dans les Païs les plus éloignés du sien, il faut aussi qu'on s'y serve de la Langue, sans quoi on ne sauroit aisément entretenir commerce avec elle, La Langue Alemande a cours dans cette vaste étenduë de l'Europe, qu'elle occupe, & dans toutes les Nations du Nord, dont les langages ne sont proprement que des Dialectes de l'Aleman : & la Langue Latine est depuis long tems celle des Savans dans tout l'Occident & le Septentrion[15].

Латынь, однако, будучи языком хоть и над-национальным, но социально ограниченным, в путешествиях пригождается реже, чем французский и немецкий, а потому выступает в словаре только в качестве дополнительного языка-посредника, без собственного словника[16]. Ориентация на разговорное употребление в словаре, конечно же, весьма условна: в него попадает лексика, необходимая для понимания образцовых

---

[11] В заглавиях и цитатах сохранена орфография оригиналов.

[12] См. об этом направлении S. Vlassov, *Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur réception en Russie*, "Виблiоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies", 1, 2013, pp. 75-98.

[13] Консультация карточных каталогов, наиболее крупных библиотек возможно, поможет установить, какие издания словаря циркулировали на территории Российской империи. Электронные каталоги, крайне неполные в отношении книг на иностранных языках, показывают только наличие в Исторической библиотеке (ГПИБ) издания 1780 г.; печатный каталог Национальной академии наук Украины (Франкомовні довідкові 2008: №№1116-1120) дает издания 1708, 1713, 1719 и 1744 годов; Биржакова и Вомперский ссылаются на издание 1703 г. (см. Е. Биржакова, *Русская лексикография XVIII века*, Нестор-История, Санкт-Петербург 2010, с. 184; В. Вомперский, *Словари XVIII века*, Наука, Москва 1986, с. 32).

[14] "C'est pour l'ordinaire en voyageant que l'on aprend les Langues étrangeres, & que l'on s'y perfectionne" (Nouveau Dictionnaire, s. n.). Цитирую по изданию 1708 г.

[15] *Ibidem*.

[16] "Parce qu'elle n'est naturelle à aucune des deux Nations, mais qu'elle peut souvent leur servir d'Interprete commun" (*ibidem*).

авторов, – в соответствии с французскими лингвостилистическими теориями, – и уже во вторую очередь – для ведения беседы[17]. Исключаются при этом значительные пласты, выпадающие из представлений о языковом стандарте, как французских, так и немецких: опускаются, соответственно, германизмы и галлицизмы, и помечаются астериском архаизмы, а также все, что автор определяет как "Comique, Burlesque ou Populaire"; речь идет не только об отдельных лексемах, но и о фразах, характеризуемых "Proverbiale & Populaire".

Волчков, вообще не склонный к писанию предисловий (те немногие, которые все-таки он счел необходимым предпослать своим переводческим трудам, весьма немногословны) и обычно не слишком внимательный к сохранности аппарата[18], не сохраняет астерисков. 'Народные' выражения никак не выделены из остального фонда, хотя их стилистическая нагрузка не затушевывается. См., например: "*arriere de moi, bouc puant*. Weiche von mir du stinckender Bock. Procul hinc, a me, hirce olide. Поди отъ меня прочъ вонючей козелъ, смердящей скотъ"[19].

Поскольку данные по переводческим стратегиям мы рассматриваем на фоне наиболее известного волчковского перевода, ПЧ, то проанализированная лексика соответствует ключевым концептам именно этого текста – обозначениям интеллектуальных качеств грасиановского 'идеального человека'. Во французском варианте это такие лексемы, как 'prudence – prudent'; 'sagesse – sage'; 'entendement' и т. д. Часть этих лексем соответствует генетически связанным с ними испанским лексемам оригинала ('sagacidad', 'prudencia', 'entendimiento', и т. п.), другие относятся только к французскому лексическому фонду ('adroit', 'esprit' и др.); в любом случае, в работе Амело не обнаружилось попыток сохранить этимологическую близость, а в работе обоих переводчиков – и Амело, и Волчкова, – за редкими исключениями не наблюдается стремления к терминологическому однообразию.

Ниже мы сравним варианты, предложенные Волчковым в ВЛ, с теми, которые можно было наблюдать в ПЧ для указанного круга французских лексем, а также прокомментируем некоторые общие принципы его работы при составлении *Лексикона*. За недостаточностью места, мы приведем лишь статистически выразительные случаи – т. е. лексемы, использование которых в ПЧ неединично, а потому позволяет определить сколько-нибудь значимые тенденции.

1. *adroit. Geschickt, geschicklich. Industris, soler. Искусенъ, проворенъ, поспѣшенъ*[20].

В ПЧ французской лексеме стабильно соответствует только первый из предложенных в ВЛ вариантов – 'искусен' (6 употреблений).

---

[17] "Il y manquera tres-peu de chose pour donner parfaitement à entendre tous les bons Autheurs François & tous les termes, qui seront emploiés dans la conversation" (*ibidem*).

[18] Так, в ПЧ Волчков нивелирует различие между основным текстом, параллельными чтениями из других текстов Грасиана и комментариями Амело де ла Уссей, вводящими эти параллельные чтения, в результате чего Грасиан фигурирует в собственном тексте в третьем лице.

[19] *Вояжиров лексикон*, с. 147.

[20] *ВЛ*, т. 1, с. 40.

2. *entendement. Der Verstand. Ingenium, mens, intelligentia, intellectus. Разумъ, смыслъ*[21].

'Разум' – преобладающее в ПЧ соответствие (7 раз из 14; среди других лексем, которыми переводчик передает *entendement*, встречаем 'смысл'). Очевидно стремление Волчкова найти несколько соответствий каждому термину.

В передаче фразеологизмов, использующих *entendement*, преобладает, однако, 'ум':

> 1) il a fort bon entendement. Er hat einen treflichen [trefflichen] Verstand. Ingenio pollet. Онъ очень разуменъ, у него великой разумъ; 2) il a l'entendement lourd, pesant & grossier. Er hat einen groben, dummen Kopf. Tardo et obtuso ingenio est. Грубова, тупова ума человѣкъ; 3) il a perdu l'entendement. Er hat den Verstand verlohren. Mente captus est. Умъ потерялъ, съ ума сошелъ[22].

Во втором случае, как кажется, заметна бо̀льшая ориентация переводчика на немецкий текст.

3. *esprit, m. entendement. Der Werstand. Ingenium, mens. Умъ, разумъ, смыслъ*[23].

Вновь можно говорить о стремлении переводчика предложить несколько вариантов в поисках наиболее точной передачи смысла. Лексема *esprit* вызывала заметные затруднения у переводчика уже в ПЧ: так, он 57 раз использует для ее передачи 'разум', 14 – 'ум' и 'нрав', 8 раз – другие варианты. Связь *entendement* с *esprit* обозначена уже в оригинале, с которым Волчков работал, неудивительно поэтому практически полное сходство толкований: в обоих случаях одной из глосс становится 'разум' (преобладающий для перевода этих понятий уже в ПЧ), с ней соседствует 'ум' (более связанный с *esprit*, в то время как его использование для *entendement* единично в ПЧ и касается лишь фразеологизмов в ВЛ), и лишь вторичным вариантом выступает 'смысл' – использованный в ПЧ всего два раза, для передачи *raison* и уже указанного *entendement*. Можно сказать, что от ПЧ к ВЛ Волчков произвел определенную переоценку лексемы 'смысл', причем не только возросла ее роль, но и закрепилась ее связь с *entendement*[24].

Тесная связь между терминами 'ум' и *esprit* подкрепляется передачей фразеологизмов:

> 1) doüe d'un excellent esprit. Der einen treflichen Werstand hat. Excellenti ingenio praeditus. Великимъ умомъ одаренъ; 2) un bel esprit. Ein sinnreicher Geist. Ingenium solers. Изрядной, высокой умъ; 3) son bel esprit le fait aimer. Sein

[21] *ВЛ*, т. 1, с. 872.
[22] *Ibidem*.
[23] *ВЛ*, т. 1, с. 912.
[24] Это подкрепляется и переводом слова *intellect*: составитель оригинальной версии ВЛ предлагает толковать его как "faculté de l'ame qu'on appelle entendement", а в немецком варианте уточняет, что слово используется только в философском языке; Волчков переносит на это слово толкование, уже предложенное для *entendement*: 'Разумъ', 'смыслъ'.

sinnreicher Geist macht ihn beliebt. Ingenii eius acumen, solertia illum amabilem reddit. За высокой умъ всѣ его любятъ[25].

Следует заметить, что в этих случаях русский вариант ближе к французскому, чем к немецкому; прилагательное *bel* передано лексемой ‘высокий’: очевидно стремление Волчкова к семантическому, а не буквальному, переводу.

Наконец, еще одно указание на связь между ‘ум’ и *esprit* – передача конструкции *d’esprit*: “c’est un homme d’esprit, il a de l’esprit. Er hat einen guten Kopf. Ingenio valet. Онъ умной, разумной человѣкъ”. В ПЧ эта комбинация переведена 9 раз прилагательным ‘умный’ и 3 раза – как ‘разумный’ (и всего единожды другой лексемой, ‘премудрый’).

4. *Génie, m. Die angeborne Art, die natürliche Gabe, Eigenschaft, der Schuzgeist. Genius. Природное дарованіе, склонность, охота*[26].

В ПЧ сочетание ‘природное дарование’ не встречается вовсе: для передачи *génie* служат ‘склонность’ и ‘разумъ’ (4 и 3 вхождения соответственно), а также ‘нрав’ (2) и несколько единичных лексем (4). Впрочем, один раз ‘склонность’ в ПЧ сопровождается прилагательным ‘природная’. ‘Охота’ не употребляется ни разу.

В передаче фразеологизмов можно отметить связь *génie* с ‘умом’: “un grand genie, un homme fort sage & prudent. Ein sehr verständiger Mann. Vir sapiens, intelligens. Премудрой, высокаго умà человѣкъ”.

Такое соответствие подтверждает тезис о том, что, как и во французском оригинале ПЧ, в личном лексиконе Волчкова обозначения интеллектуальных качеств человека формируют единое семантическое поле, отдельные элементы которого в некоторых контекстах могут выступать как более или менее взаимозаменяемые.

Дальнейшие анализируемые словарные статьи ВЛ находятся во 2 томе, вследствие чего можно подозревать более значительное редакторское вмешательство в авторскую лексикографическую работу (нельзя его полностью исключать, впрочем, и для 1 тома; см. выше о сложной истории издания).

5. *Habileté, f. industrie. Die Tüchtigkeit, Geschicklichkeit. Dexteritas, peritia. Искусство, способность; хитрость*[27].

Основным вариантом выступает в ВЛ тот же, что находим и в ПЧ, где, кроме ‘искусства’ (7 вхождений) находим также ‘знание’ и ‘добродетель’. Напротив, разнятся данные по прилагательному: если в ПЧ *habile* соответствует ‘искусен/искусный’ (9 случаев из 17, в том числе 3 раза ‘умный’ и 1 ‘разумный’), то ВЛ предлагает совершенно другие варианты перевода. В ВЛ это прилагательное практически выходит из синонимической группы интеллектуальных качеств: *Habile*, *actif*, *expeditif*. *Hurtig*, *fertig*, *geschwind*. *Promtus*, *expeditus*. Скоръ, поспѣшенъ, проворенъ.

[25] *Ibidem.*
[26] *ВЛ*, т. 2, с. 21.
[27] *ВЛ*, т. 2, с. 72.

6. *Jugement, m. faculté de l'ame à juger des choses. Der Verstand, die Vernunfft. Iudicium. Умъ, разумъ*[28].

Такое толкование для *jugement*, хотя и встречается в ПЧ, но в качестве второстепенного: основным выступает 'рассуждение' (13 раз из 18, плюс 2 раза 'нерассуждение'), 'ум' фигурирует всего 1 раз, 'разум' – 5. Можно сказать, что, если *habile* в ВЛ выходит из круга интеллектуальных качеств, то *jugement*, напротив, входит туда увереннее, чем раньше.

7. *Prudence, f. Die Klugheit, Vorsichtigkeit. Prudentia. Мудрость, осторожность, бережливость, бережъ*[29].

Prudence в тексте Амело, легшем в основу ПЧ, встречалась исключительно часто: ее испанский аналог, *prudencia*, входил в заглавие текста, и, радикально сменив заглавие, французский переводчик компенсировал отсутствие ключевого концепта в заглавии его намного более широким, чем в оригинале, присутствием собственно в тексте. У Грасиана *prudencia* входила в круг лексики, обозначавшей интеллектуальные качества, составляя с другими лексемами той же группы распространенные в его текстах синонимические перечислительные цепочки или заменяя их в т.н. 'бинарных конструкциях', где вторая фраза представляет собой синтаксическую копию первой с иным, хотя и семантически близким, лексическим наполнением. Волчков, с одной стороны, сохранил принадлежность лексемы к общей группе интеллектуальной лексики, подбирая ей в качестве аналога лексемы 'разум' и 'ум', которыми он переводил другие лексемы группы; с другой стороны, признал за ней значение, отдаляющее ее от *raison*, *esprit*, *jugement*, но сближающее с *sagesse*: обе эти лексемы он передает преимущественно через 'мудрость' (27 из 47 для *prudence*, 11 из 20 для *sagesse*), используя в качестве дополнительного варианта 'премудрость' (11 и 2 соответственно). Наше сравнение[30] с переводами на сходную тематику – т. е. потенциально сходными и в лексическом аспекте, – выполненными В. Тредиаковским и Я. Трусовым ('Истинной политикой' и 'Ироем' соответственно), показало, что подход Волчкова довольно своеобразен. Оба его коллеги тесно связывают *prudence* с 'благоразумием', а не с 'мудростью', и в целом демонстрируют значительно большее стремление к терминологической точности. Волчков избегает в ПЧ лексемы 'благоразумие', в ВЛ она также отсутствует, хотя появляется 'осторжность' и весьма оригинальные в качестве соответствий для *prudence* 'бережливость' и 'береж'. Если 'осторожность' до какой-то степени может быть подсказана немецким *Vorsichtigkeit* (но, впрочем, уже французская лексема предусматривает возможность такого толкования), то остальные два значения не поддерживаются ни одной из иноязычных параллелей.

[28] *ВЛ*, т. 2, с. 230.
[29] *ВЛ*, т. 2, с. 831.
[30] см. R. Evstifeeva, *Lessico relativo alle qualità intellettuali* in Pridvornoj Čelovek, 2018.

Фразеологизм, содержащий *prudence*, а также прилагательное *prudent* выводят на передний план ‘осторожность’ и ‘разумность’:

> agir avec prudence en toutes choses. In allen Sachen klüglich verfahren. Prudentiam ad omnes res adhibere. Во всемъ осторожно, разумно поступать.
> Prudent, adj. Vorsichtig, klug. Prudens. Остороженъ, разуменъ[31].

Экзотическая ‘бережливость’ так и остается маргинальным явлением. В ПЧ в качестве аналогов для *prudent* использовались ‘мудрый’, ‘умный’, ‘разумный’ (9, 7, 5 употреблений соответственно), речь не шла ни о ‘бережливости’, ни об ‘осторожности’. Можно сказать, что в ПЧ *prudence* и *prudent* выступали типовыми представителями лексической группы интеллектуальных качеств и переводились наиболее расхожими терминами из этой группы в русском языке, в то время как в ВЛ видна попытка подобрать им аналоги с более узким и конкретным значением – в любом случае, по-видимому, довольно оригинальная на общем фоне.

8. *Raison, f. Vernunft, Verstand. Ratio. Разумъ, умъ*[32].

Здесь данные как ПЧ, так и ВЛ вполне в русле общей тенденции. В ПЧ практически единственным аналогом для *raison* (в значении, не сводимому к другому значению лексемы – ‘причина’) выступает ‘разум’, данные по переводам Тредиаковского и Трусова дают весьма сходную картину.

9. *Sagesse, f. Die Wiesheit, der Witz. Sapientia. Разумъ, мудрость*[33].

Первый из вариантов ВЛ, ‘разум’, не противоречит идее о том, что интеллектуальная лексика может составлять единый фонд более-менее взаимозаменяемых лексем, хотя и расходится с ПЧ в частностях: там ‘разум’, хотя и выступал своего рода джокером, но все-таки более всего сближался с *esprit* и вовсе не использовался для *sagesse*, в отличие от ‘мудрости’, выступавшей основным вариантом.

Исключительно странными представляются переводы, предложенные для двух вариантов прилагательного *sage*: “Sage, prudent. Weise, witzig, verständig. Prudens, sapiens. Уменъ, разуменъ, остроуменъ. Sage, avisé, adroit. Klug, vorsichtig. Solers, sagax. Остроженъ, уменъ”[34].

Следует, однако, заметить, что разнесение этой лексемы на две статьи не вполне внятно и в оригинальной редакции словаря. Сколько-нибудь ясно различие между двумя значениями выступает в латинском варианте: второе значение более тесно связано, условно говоря, с быстротой интеллектуальной реакции, в то время как первое значение в определенном смысле более медитативно и связано с полученным интел-

[31] *ВЛ*, т. 2, с. 831-832.
[32] *ВЛ*, т. 2, с. 929.
[33] *ВЛ*, т. 2, с. 1008.
[34] *Ibidem.*

лектуальным и жизненным опытом. Этимологически немецкое *vorsichtig* решительно сближается с *prudent/prudence*: по той же модели построено русское ‘предусмотрительный’; *verständig* связано, напротив, со способностью понимать. В определенном смысле немецкий перевод если не поменял полностью полюса, то, во всяком случае, спутал карты. ‘Остроуменъ’, по-видимому, Волчков или его редактор связал с многозначным *witzig*, одно из значений которого могло подталкивать к такому прочтению; ‘осторожен’ же, по-видимому, переводит именно *vorsichtig*. Можно осторожно предположить, что перевод двух вариантов лексемы *sage* скорее следует за немецкими глоссами, чем за латинскими соответствиями или французским оригиналом. Окончательная путаница наступает в переводе малообъяснимой отдельно стоящей статьи *être sage*, на которую даются соответствия *Weise*, *witzig seyn*. *Sapere*. Очевидно, что составитель дал в этой статье глоссы, соответствующие первому значению *sage*. Переводчик, однако, предпочел второе: ‘Умну, осторожну быть’. О ‘мудрости’ переводчик при работе с прилагательными даже не вспомнил, хотя в ПЧ ‘мудрый’ и ‘премудрый’ в роли аналогов для *sage* совокупности превосходили ‘умного’ и ‘разумного’ (22 и 14, 28 и 8 употреблений соответственно, что почти полностью покрывает статистику по *sage*-прилагательному).

Приведенные выше наблюдения относительно стратегии перевода интеллектуальной лексики в ВЛ позволяют сделать несколько предварительных обобщающих выводов о принципах работы Волчкова над словарем. Влияние немецкого текста весьма ограниченно; случаев влияния латинских глосс не отмечается. Французский текст в словаре доминирует (франко-немецкий словарь вынесен на первый план, аппарат также на французском языке, в предисловии фокус также очевидно смещен в сторону французского, как мы показали выше), поэтому неудивительно, что Волчков, владевший обоими языками, также ориентируется в большей степени именно на французскую составляющую. Не случайно и то, что, в отличие от двухчастной структуры оригинала (французско-немецкий и немецко-французский словарь с параллелями из латыни в обоих случаях), словарь Волчкова берет за отправной пункт только французский словник, не работая отдельно с немецкой лексикой и фразеологией и отказываясь от русско-французского индекса. Впрочем, это вполне вписывается в наши наблюдения о его затруднениях при работе с аппаратом[35].

Касательно лексики, в работе Волчкова с концептами интеллектуального поля в ПЧ и ВЛ можно наметить как постоянные, так и переменные элементы. В обоих случаях Волчков предлагает несколько вариантов перевода, и в основном первый из предложенных в ВЛ вариантов соответствует наиболее широко использованному в ПЧ для данной лексемы. В некоторых случаях, однако, в ВЛ предлагаются вариан-

[35] Не слишком внимательное отношение к аппарату (вплоть до смешения аппарата с основным текстом, в том числе там, где это было недопустимо – как в случае, о котором мы упомянули выше) и стремление вообще от него избавиться отличает Волчкова, например, от Амело, который снабжал все свои переводческие труды разнообразными дополнительными индексами, перечнями и указателями; или от Тредиаковского, предварявшего свои переводы программными предисловиями.

ты, очень далекие от употребленных в ПЧ. Особенно разительно отличие во второстепенных, дополнительных вариантах. Напротив, основные варианты в основном сохранены. Приведем список лексических соответствий, в выборе которых Волчков проявляет постоянство:

adroit – искусен
entendement – разум
habileté – искусство
prudence – мудрость
raison – разум

Для выявления эволюции в переводческих стратегиях Волчкова ВЛ представляет наибольшую базу для сравнения с ПЧ, потому что там встречается практически вся лексика интеллектуального поля, которую можно было видеть и в ПЧ. Мы не включили в данный разбор лексем, употребление которых в ПЧ слишком малочисленно, чтобы можно было говорить о тенденциях. Приведем, однако, таблицу соответствий по таким статистически незначимым лексемам.

Таблица - *Перевод лексики интеллектуальных качеств в ПЧ и ВЛ*

Франц. лексема	*Ее перевод в ПЧ*	*Ее перевод в ВЛ*
Attention	осторожность, бодрость, знание	примечание, прилежание
Discret	скромной, твердейшей	скромен, молчалив, разумен
Galanterie	изрядство, забава, учтивство, прикраса, доброта + приятной, забавной, учтивой	изрядство, благопристойность, волокитство, полюбовничество
Ingenieux	смышлен, разумен	1. Ingenieux, qui a bon esprit. Смыслен, разумен. 2. Ingenieux, inventif. Разумен, силен в изобретении, в инвенциях; инвентор, вымышленик.
Héros	герой, великий	славной воин, великой человек, герой
Intelligence	знание, ведение, познание	разум, знание
Sagacité	ум, острота	ревность

Очевидно, что дальнейший анализ следует вести только с учетом статистически значимых лексем, потому что в переводе редко встречающихся слов непостоянство Волчкова и нежелание создавать стройную терминологическую систему приводят к

весьма разнящимся результатам, на основании которых трудно заметить какие бы то ни было тенденции.

Для последующего исследования эволюции стратегий, применяемых Волчковым при переводе лексики интеллектуального поля, необходимо выявить в его наследии тексты, в которых эта лексика присутствует если не так же широко, как в ПЧ, то, по крайней мере, близко к тому. Полезным был бы также анализ прочих лексических групп, встречающихся в его текстах; по всей видимости, сколько-то компактную группу может составить основная лексика его переводов духовно-мистической направленности (от *Мира духовного* до последних переводов, изданных при Кадетском корпусе). Кроме того, при обнаружении переводных текстов, лексический фонд которых сходен с ПЧ, *Ироем* Трусова и *Истинной политикой* Тредиаковского, необходимо дальнейшее сравнительное исследование переводческих стратегий. Надеемся, что настоящая статья послужит для таких исследований хотя и скромным, но полезным и стимулирующим вкладом.

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE E LETTERATURE STRANIERE

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA

ANNO XXVIII - 2/2020

EDUCatt - Ente per il Diritto allo Studio Universitario dell'Università Cattolica
Largo Gemelli 1, 20123 Milano - tel. 02.72342235 - fax 02.80.53.215
e-mail: editoriale.dsu@educatt.it (produzione)
librario.dsu@educatt.it (distribuzione)
redazione.all@unicatt.it (Redazione della Rivista)
web: www.educatt.it/libri/all

ISSN 1122 - 1917

9 788893 356978